
ХАННА СЕЙВЕЛ
Семь дней до твоей любви

Ханна Сейвел

Семь дней до твоей Любви

«Автор»
2026

Сейвел Х.

Семь дней до твоей Любви / Х. Сейвел — «Автор», 2026

Линн приехала в шотландское поместье всего на семь дней: починить старый фонарь на башне и уехать. Каллум Макрей хочет лишь одного: продать дом после праздников и навсегда закрыть за собой его двери.Но в первый же вечер старинное стекло в их руках начинает светиться, и в притихший дом возвращаются тени прошлого и давно умолкшие голоса. Они бередят Каллуму сердце, а Линн все сложнее думать о возвращении домой.А еще в доме кто-то чихает в ящике со стеклом, ворует пирожки и вылизывает блюдце со сливками. И водитель красного фургона, который привез Линн, подозрительно много знает о Рождестве.До полуночи Сочельника им придется понять, что прячет этот дом. И решить, что отпустить: прошлое или друг друга.

© Сейвел Х., 2026
© Автор, 2026

Содержание

К читателю с любовью 5
Глава 1. Семь вечеров до Рождества 6
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Ханна Сейвел
Семь дней до твоей Любви

К читателю с любовью

°**°°**°°**°°**°°**°°**°°**°°**°°**°°**°°**°°**°
* *

В детстве мы засыпали накануне праздника с уверенностью, что утром непременно случится что-нибудь волшебное. Мне хочется, чтобы эта история вернула вам хотя бы частичку того счастливого ожидания.

Пусть Новый год и Рождество принесут в ваш дом тепло, а рядом будут люди, которым вы дороги. Пусть среди повседневных забот останется место для маленького чуда. И пусть обязательно сбудется то, о чем вы пока никому не решаетесь рассказать.

С любовью,

ваша Ханна Сейвел

°**°°**°°**°°**°°**°°**°°**°°**°°**°°**°°**°°**°
* *

Глава 1. Семь вечеров до Рождества

18 декабря

За семь дней с человеком не может случиться ничего особенного. Линн Харпер была в этом уверена. Ровно до последнего подъема перед Крейгмором.

Там красный фургон повело вбок, и она сразу же обернулась к перегородке, за которой ехало стекло.

— Тише, мои хорошие, — пробормотала она. — Почти приехали.

За полтора месяца в мастерской Линн привыкла разговаривать со стеклом вслух. Оно, по крайней мере, никогда не перебивало.

За перегородкой кто-то тоненько чихнул. Линн замерла и посмотрела на водителя. Тот смотрел на дорогу.

— Стекло, — невозмутимо объяснил он. — На морозе оно и не такое выдает.

Он сбавил газ. Колеса нащупали под снегом колею, фургон выровнялся, а по радио как ни в чем не бывало пел детский хор.

Линн знала это стекло до последнего пузырька, и чихать оно не умело. Но спорить с человеком, который ведет машину по обледенелому подъему, она не стала.

Водитель ей вообще нравился. Румяный старик с белой бородой, в красной вязаной шапке, которую он не снял ни разу от самого Эдинбурга. Всю дорогу в кабине играли только рождественские песни, и он с большим чувством подпевал каждой, не попадая ни в одну ноту. Фургон она нашла по объявлению: *«Николас и помощники. Хрупкие грузы. Доставляем в срок с незапамятных времен»*. Про незапамятные времена Линн не поверила, но цена была хорошая. Помощников, правда, не оказалось ни одного. В кабине, во всяком случае.

В ящиках у нее за спиной ехали шесть недель работы: новые цветные стекла для старого фонаря на башне. А еще там ехала ее будущая мастерская. Гонорара за фонарь как раз хватало на первый взнос за маленькое помещение с витриной на тихой эдинбургской улице. Пока Линн видела его только на фотографиях.

План был простой, на семь дней: поставить стекла, сдать фонарь к Рождеству и вернуться домой с ключами от собственной витрины. Сюрпризов в плане не предусматривалось.

Дорога повернула, и внизу открылся Крейгмор. Городок теснился у самой воды, в узкой бухте, и весь берег был усыпан желтыми огнями. Вдоль набережной тянулись гирлянды, на площади у церкви сияла большая ель, и даже рыбацкие лодки у причала кто-то обмотал огоньками. Лодки покачивались на черной воде вместе со своими отражениями. Снег шел крупный и неторопливый, каждая снежинка в свете фар на миг вспыхивала и гасла, и Линн уже прикидывала, каким стеклом можно передать этот свет. Молочным, пожалуй. С теплой желтизной внутри.

— Красиво встречают, — заметил водитель и кивнул выше, туда, где над городом на утесе темнела еще одна крыша. — А вон там будто и не Рождество.

Он помолчал и добавил в бороду:

— Ну, это поправимо.

Дом стоял на самом краю обрыва, длинный, низкий, из того же серого камня, что и скалы под ним. Светились только два окна у крыльца. На всем сияющем берегу это было единственное темное пятно. Рядом поднималась квадратная башня, а на ее вершине, под медным куполом, темнел стеклянный фонарь, как на маяке. Часть его граней закрывали белые щиты, и издали фонарь был похож на глаз под повязкой.

Четыре года назад в доме случился пожар. В бумагах по заказу о нем писали коротко и сухо, как о погоде: копоть, скол на центральном стекле. Больше Линн ничего не знала. Расспрашивать заказчиков о таком было не принято.

Фургон остановился у ступеней. Стоило открыть дверцу, как с моря ударил ветер, соленый, колючий, с запахом водорослей и печного дыма. Мороз сразу взялся за щеки. Линн спрыгнула в снег, шарф сбило набок, и рыжие пряди полезли в глаза. Пока она с ними воевала, на крыльце отворилась дверь.

Хозяин дома сбежал по ступенькам, на ходу застегивая пальто. Он был такой высокий, что Линн пришлось поднять голову. В темных волосах у него таял снег. Он его не стряхивал. Похоже, просто не замечал.

— Мисс Харпер?

— Линн. — Она стянула перчатку и протянула руку.

Рукав при этом задрался, и на манжете свитера во всей красе открылось кофейное пятно. Стаканчик протек еще на заправке под Пертом, а переодеться с тех пор было негде.

— Это кофе, — вздохнула Линн. — Обычно я приезжаю к заказчикам в более приличном виде.

— Тогда мы квиты.

Он кивнул на собственный рукав, весь в белой строительной пыли, и пожал ей руку. Ладонь у него была сухая и теплая, несмотря на ветер.

— Каллум Макрей.

Он не улыбнулся, но взгляд у него потеплел, и Линн решила засчитать это за улыбку.

Водитель уже открывал кузов.

— Большие ящики занесем в переход к башне, — распорядился Каллум. — Утром придут рабочие и поднимут их наверх.

— А этот, плоский, пожалуйста, в дом, — встряла Линн. — Там центральная призма.

Он перевел взгляд на небольшой футляр, зажатый между ящиками, и на секунду замер. Потом сам вынул его обеими руками и понес к крыльцу, ни разу не качнув. Линн успела приготовить целую речь о том, почему этот футляр ни в коем случае нельзя наклонять, но она не понадобилась.

Большие ящики Каллум с водителем перенесли вдвоем. Старик нес свой край одной рукой и ни разу не перевел дух.

— Мне еще ехать и ехать, — сообщил он, забираясь в кабину. — Неделя такая: всем надо успеть к сроку. За пустыми ящиками заеду в Сочельник, до темноты. — Он подмигнул Линн. — А вы, мисс, по-моему, приехали по адресу. Счастливого Рождества!

Фургон развернулся и пошел вниз, к огням. Песня еще долго долетала с дороги, все так же мимо нот. Линн смотрела ему вслед и не сразу поняла, что не так. А когда поняла, не могла поверить собственным глазам: следов на снегу за ним не осталось.

Замело, решила она. За полминуты. Точно замело.

В холле было прохладно и сумрачно. Пахло воском для мебели и старой бумагой. Вдоль стен стояли заклеенные коробки, на одной кто-то вывел маркером: *«Книги. Кабинет»*. Над лестницей светлели пустые прямоугольники — следы снятых картин.

Дом готовили к продаже. Линн знала об этом с осени: покупатели хотели получить фонарь целым к Рождеству, а бумаги собирались подписать в январе. Тогда это была просто строчка в договоре. Теперь она смотрела на голые стены и думала, каково это: каждый день ходить мимо пустых мест, где раньше висело то, что тебе дорого.

На вешалке у двери остался один-единственный шарф, красный, крупной домашней вязки. Шерсть на сгибе выцвела полосой. Видимо, его сложили так очень давно и с тех пор не трогали.

Жить эту неделю ей предстояло здесь же, под одной крышей с заказчиком. Так было записано в договоре. Подписывая его, Линн думала только о том, что не придется каждое утро взбираться на утес по зимней дороге. О самом заказчике она тогда не думала вовсе.

После сияющего Крейгмора в доме не нашлось ни одной гирлянды. Даже венка на двери не было. Кажется, праздник сюда не пускали нарочно. Зато из приоткрытой двери в конце холла тянуло теплом, корицей, апельсиновой цедрой и горячей сдобой. Точно так же пахло Рождество у бабушки, и у Линн неожиданно защипало в носу.

Дверь распахнулась шире. На пороге появилась маленькая стройная женщина в фартуке, расшитом красными ягодами. Светлые острые глаза оглядели Линн с головы до ног и задержались на кофейном пятне.

— Мораг, — представилась она. — Экономка. — И, не меняя тона, обратилась уже к Каллуму: — Худенькая, но ничего, откормим. А ты бы хоть свитер сменил, у тебя гостья.

Линн, которую только что с первых минут знакомства решили откармливать, не нашлась, что ответить.

— У меня мастер по стеклу, — поправил Каллум.

— Я так и сказала, гостья. Ужин в восемь.

Дверь кухни закрылась.

— Она всегда такая? — шепотом спросила Линн.

— Сегодня она еще сдерживается. — Каллум помолчал. — Суп мой, пироги ее. Если что-то покажется съедобным, это пироги.

Линн рассмеялась, и он посмотрел на нее чуть внимательнее. Кажется, не ожидал, что шутка сработает.

— А можно сначала в башню? — попросила она. — Я весь день думала только о том, доедет ли призма целой. Если сейчас не проверю, буду всю ночь представлять трещины.

Каллум кивнул, молча ушел на кухню и вернулся с двумя пирожками, завернутыми в бумажную салфетку.

— Возьмите. — Он понизил голос. — Мораг их пересчитывает.

— Уже пересчитала! — донеслось из кухни.

Каллум и бровью не повел.

— И не снимайте пальто, наверху холодно.

Сверток был еще теплым. Линн спрятала его в карман. Каллум взял со скамьи у стены футляр, и она пошла за ним.

Над дверью в переход было вставлено маленькое окошко, и Линн по привычке скользнула взглядом по стеклу. Старое, ручной выдувки, с мелкими пузырьками внутри. Такое теперь не делают. Переход оказался длинным каменным коридором, где было почти так же холодно, как на улице. Узкие окна от края до края заросли морозными папоротниками и звездами. Ящики со стеклом уже стояли у стены. Проходя, Линн погладила ближний по крышке, и внутри вдруг что-то зашуршало.

Стружка, сказала она себе. Оседает.

У самой башни, под запахом свежей штукатурки, она различила другой, слабый и горький. Старая гарь. Такая въедается в камень и держится годами. Справа в стене светлел прямоугольник новой кладки. Раньше здесь была дверь в сгоревшее крыло дома.

Каллум прошел мимо, не повернув головы, но шаг у него стал чуть быстрее.

По винтовой лестнице они поднимались молча. Наверху он пропустил Линн в мастерскую. Посреди комнаты стоял часовой механизм, высокий, в человеческий рост. Большие медные колеса тепло блестели в свете ламп. Длинный маятник висел неподвижно.

— Часы стоят? — поинтересовалась Линн.

— Мастер наладил их в ноябре и остановил до конца работ. Запустим, когда закончим фонарь. Бой пока тоже отключен, а то весь город сбежится.

Он положил футляр на широкий стол у стены, и только тогда Линн как следует этот стол разглядела. Над ним висели две длинные лампы, и ровный свет падал на столешницу, застеленную мягким серым войлоком. Рядом гудел обогреватель. Линн оперлась о край. Стол был

выше обычного. Ровно такой высоты, чтобы спина не ныла после целого дня работы. Плечи, затекшие за дорогу, как-то даже расправились сами собой.

Именно эту высоту она указала в договоре. В длинном пункте мелким шрифтом, из тех, которые никто никогда не читает. В прежней мастерской ей приходилось подкладывать под рабочую доску старые каталоги. Мартин, тогда еще ее жених, заходя за ней вечером, каждый раз говорил, что она слишком носится с мелочами.

А здесь этот пункт кто-то прочел.

— Вы его сделали специально для меня?

— Доски все равно оставались. — Каллум пожал плечами. — Если неудобно, переделаю.

— Удобно. — Линн с удивлением услышала, что голос у нее дрогнул. — И свет хороший. Я все переживала, что не привезла свои лампы.

— Вы же написали, какие нужны.

Он произнес это так просто, будто читать пункты мелким шрифтом — самое обычное дело. Наверное, он старался ради работы, а не ради нее. Но приятно от этого было ничуть не меньше.

Каллум повесил пальто у двери и закатал рукава свитера. Линн честно смотрела на стол. Но он взял настольную лампу, проверяя шнур, и ее взгляд сам собой перешел на его руки. Длинные пальцы, потемневшие от работы костяшки, спокойная уверенная хватка. Она поспешно отвела глаза и только тогда заметила на его левой руке, с внутренней стороны, неровную полосу светлой гладкой кожи. Полоса шла от запястья вверх и уходила под рукав. Старый ожог.

Конечно, она смотрела на шрам. Линн очень твердо себе это сказала. Она расстегнула пальто, надела тонкие белые перчатки и открыла футляр. За дорогу ничего не сдвинулось.

— Вот и умница, — шепнула Линн и тут же покосилась на заказчика.

Каллум сделал вид, что не слышал.

Призма лежала в мягком гнезде: тяжелый граненый кристалл размером с две сложенные ладони, в старой металлической рамке. Эту рамку Линн неделями отчищала от копоти кисточкой. Призма была сердцем фонаря, весь его свет шел через нее.

— Посветите, пожалуйста.

Он посветил.

Стекло было таким чистым, что казалось пустым. Но там, где сходились грани, загорелась тонкая золотая нить. Линн чуть наклонила голову, и нить послушно соскользнула на войлок маленьким теплым пятнышком.

Каллум стоял рядом и не двигался. Она подняла глаза и увидела, что он смотрит на призму. Большой палец его свободной руки раз за разом тер костяшку указательного.

— Я думал, след останется, — произнес он наконец.

— Копоть я сняла. А скол у основания прячется под рамкой. Если не знать, где искать, не найдете.

Он кивнул, не отрывая взгляда от стекла. Линн взялась за рамку. Призма была тяжелая. Каллум, не говоря ни слова, поставил лампу на край стола и подставил ладони с другой стороны. Его пальцы легли вплотную к ее, и Линн почувствовала их тепло даже сквозь перчатку. Тяжесть разделилась между ними поровну. Вдвоем они подняли призму из гнезда. Золотое пятно дрогнуло, соскользнуло с войлока, легло на голую каменную стену и на миг затрепетало, как отсвет огня в камине. Пахнуло хвоей и апельсинами, хотя ни того ни другого в мастерской не было. А совсем рядом, у Линн за спиной, тонко звякнул колокольчик.

Каллум резко обернулся. Линн крепче сжала рамку.

Пятно было просто пятном, золотым и неподвижным на сером камне. В мастерской пахло машинным маслом и холодом, за стеной выл ветер. Линн моргнула. Пять часов в дороге, она устала, а лампа светит прямо в глаза. Сначала чихающее стекло, теперь колокольчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.